«Слушай, Алеша, — говорит Грушенька, — я тебя столь желала к себе залучить и столь приставала к Ракитке, что ему двадцать пять рублей пообещала, если тебя ко мне приведет. Стой, Ракитка, жди! — Она быстрыми шагами подошла к столу, отворила ящик, вынула портмоне, а из него двадцатипятирублевую кредитку...

«— Принимай, Ракитка, долг, небось не откажешься, сам просил. — И швырнула ему кредитку.

«— Еще отказаться, — пробасил Ракитин, видимо сконфузившись, но молодцевато прикрывая стыд, — это нам вельми на руку будет, дураки и существуют в профит умному человеку» (9, 440). Уже уходя от Грушеньки, Ракитин «злобно» смеется над Алешей: «Что ж, обратил грешницу? .. Блудницу на путь истины обратил? Семь бесов изгнал, а?..

«— Перестань, Ракитин, — со страданием в душе отозвался Алеша.

«— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешних „презираешь"? Продал, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда» (9, 447). Поскольку Ракитин действительно, как видит читатель, «продал» Алешу, отрицание в высказывании «ты не Христос, а я не Иуда» значения не имеет, и это высказывание только закрепляет сопоставление, которое исподволь уже готовилось в предыдущем. Ведь за двадцать пять рублей или за тридцать «продает» Ракитин «истинного друга», в конце концов не важно, а важен самый факт «продажи».

Однако впоследствии, уже на суде, тридцать рублей все же возникают. Характерно, что они появляются в связи с двадцатью пятью рублями, в свое время отданными Грушенькой. Адвокат «спросил про Ракитина и про двадцать пять рублей „за то, что привел к вам Алексея Федоровича Карамазова"».

«— А что ж удивительного, что он деньги взял, — с презрительною злобой усмехнулась Грушенька, — он и все ко мне приходил деньги канючить, рублей по тридцати, бывало, в месяц выберет...» (10, 222). Тридцать рублей, получаемых Ракитиным от той же Грушеньки, являются последним звеном в обличающем героя сопоставлении с Иудой. Эти обычные для Ракитина тридцать должны, по-видимому, заменить те случайные двадцать пять, которые были получены им однажды. Важно, что когда Грушенька об этих тридцати рублях сообщает, предательская сущность «семинариста-карьериста» уже указана читателю вполне определенно.

Что же касается числа двенадцать (тоже излюбленного в фольклоре), то значение его прозрачно. В третьей и последней главе эпилога «Похороны Илюшечки. Речь у камня» читаем: «Алеша еще у ворот дома был встречен криками мальчиков, товарищей Илюшиных. Они все с нетерпением ждали его и обрадовались, что он, наконец, пришел. Всех их собралось человек двенадцать» (10, 327). «Человек двенадцать» мальчиков, слушающих поучения Алеши в эпилоге, явно связаны ассоциациями с двенадцатью апостолами, учениками Христа. Особым значением наполняется в данном случае и слово «голубчики», употребляемое Алешей по отношению к собравшимся мальчикам: «Голубчики мои, — дайте я вас так назову — голубчиками, потому что вы все очень похожи на них, на этих хорошеньких сизых птичек, теперь, в эту минуту, как я смотрю на ваши добрые, милые лица» (10, 335). Известно, что голубь в христианской традиции — символ духа святого («Gott der heilige Geist»), а в то же время он символически заменял апостола. Слово «голубчики», звучащее в связи с двенадцатью мальчиками, должно быть, учитывает и то символическое толкование, и другое.